

— Ох, эта кожа... такая нежная, ну вылитая наша Пиньжу в детстве! — Тетушка, ну вы же взрослая женщина, неужели нельзя перестать улыбаться ребенку так... непристойно, словно какая-то сводня? Я артист, а не товар! И хватит меня трогать! Еще раз коснетесь — ударю!

— Муроны возродятся! Не зря старик пять-шесть лет ждал этого дня! У-у-у! — Один из стариков прямо рухнул на колени, воздев руки к небу. Он рыдал так горько, что слезы градом катились по лицу, а чтобы вытереть их, он не нашел ничего лучше, как воспользоваться своей длинной седой бородой. В итоге борода намокла от соплей и слез и теперь предательски поблескивала на солнце.

Аньлэ во все глаза смотрел на это сияющее безобразие, и в его душе проносились миллионы разъяренных коней. Дедушка, я понимаю, эмоции и все такое... но вы, вы хоть немного соблюдайте гигиену! Неужели борода для этого и нужна?!

— Хм, и впрямь чувствуется порода Пиньжу. Дай-ка я рассмотрю получше. — Бабушка, вы что делаете? Говорить-то говорите, но зачем тыкать мне в лицо увеличительным стеклом?! Стоп... откуда в это время стекло? Или это кристалл?

— Малыш, я вижу, у тебя необычные кости. Ты уже начал изучать тайные искусства нашего клана Мурон? Какой уровень освоил? Есть что-то непонятное? Если есть, не стесняйся. У дяди Дуна есть тетрадь, где подробно расписаны все методы дыхания и приемы. Не за девяносто девять, а всего за девяносто восемь! Вижу, ты еще мал, сделаю скидку — как насчет восьми лянов серебра? Эй, малыш? Почему ты молчишь? — Это был старик с благородной внешностью.

Аньлэ стоял за его спиной, не в силах вымолвить ни слова. Надо же, он уже битый час распинается перед огромным столбом!

Я, конечно, тоже считаю, что у этого столба кости необычные — как-никак, одна из несущих опор нашего дома!

Но это же не человек!

Вы выглядите таким мудрым и благородным, я думал, вы самый нормальный из них, а оказалось — близорукий! Я же стою прямо у вас за спиной! Будьте добры, обернитесь, прежде чем разговаривать!

В этот момент Аньлэ искренне не понимал, как клан Мурон из Юньнани до сих пор не развалился под присмотром таких неадекватных стариков.

Аньлэ бросил на Яэр многозначительный взгляд. Та поспешила вмешаться:

— Ой, да старейшины просто шутят, не принимайте близко к сердцу!

Кто, спрашивается, перед отправлением твердил ей, чтобы она собрала всю волю в кулак при

встрече со старейшинами?! Аньлэ посмотрел на Яэр с явным презрением.

— Кхм, ну... Яэр, сколько же мы не виделись? Пойдем-ка в дом, поболтаем. — Старейшины, наконец, прекратили дурачиться, поправили одежды и приняли важный вид.

Вот так-то лучше, — Аньлэ задрал подбородок.

— Слушаюсь, старейшины, — отозвалась Яэр и последовала за ними в дом.

Аньлэ, разумеется, решил пойти следом, но...

Бам!

Дверь с грохотом захлопнулась и закрылась на засов. Ловко же они!

Проблема была в том, что он остался снаружи!

Аньлэ раздумывал, стоит ли ронять достоинство и стучать в дверь. Эти люди только что закрыли своего будущего лидера, свою надежду, перед носом! Не вы ли сами меня сюда позвали?!

— Безобразие! Я еще не вошел! Как вы смее... — Аньлэ, кипя от ярости, забарабанил в дверь, выкрикивая это своим тонким детским голоском.

Дверь приоткрылась, и в маленькую ручку Аньлэ насильно впихнули лепешку с османтусом.

— Молодой господин, простите нас великодушно! Мы тут обсуждаем домашние дела, вам будет скучно. Иди, поиграй где-нибудь, мы скоро тебя найдем. А пока съешь лепешку, ты ведь проголодался, да? — Та самая тетушка, что так непристойно улыбалась, теперь сюсюкала с ним, как типичная похитительница детей.

Значит, все-таки принимают за сопляка!

Кому нужна ваша лепешка! Плевать! Домашние дела? Да вы просто обсуждаете важные вопросы и боитесь, что я помешаю! Думаете, я трехлетка, которого можно так легко обвести вокруг пальца? — Аньлэ, ворча про себя, поплелся прочь, прижимая к себе лепешку.

Так он и просидел в одиночестве довольно долго.

Именно в это время он встретил И, Эр и Сань, которых старейшины привели с собой, чтобы показать им мир.

Тогда И еще не звали И, его звали Мурон Хэдун.

Эр не был Эром, его звали Мурон Шилин.

А Сань — Мурон Байцюэ.

— Байцюэ, смотри, это тот самый юный господин, наш будущий глава? — с любопытством спросил Эр.

— Угу, дедушка сказал, что это он, — ответил Сань. Несмотря на юный возраст, он держался очень солидно.

— ...Какой же он маленький, — надулся Эр.

Наглец! Я все слышу! — Аньлэ так сильно сжал лепешку, что она превратилась в лепешку в буквальном смысле.

— Кхм... господин еще мал, — Сань почувствовал, как от малыша исходит аура негодования, и у него зачесалась кожа головы.

— Но хоть и мал, он достоин того, что его родила госпожа Пиньжу. Вы не находите, что наш господин такой милый? Аван, наш господин даже милее тебя! — Эр с детства не умел держать язык за зубами, но инстинкт самосохранения у него был развит отлично — почувствовав угрозу, он тут же сменил тон.

— Шилин, не смей проявлять неуважение к господину! Как можно сравнивать его со своей собакой? — И, не по годам серьезный, тут же прикрикнул на него.

— Но он правда милее Авана! — надулся Эр.

— Хватит... господин уже заметил нас... — Сань обреченно прикрыл лицо рукой.

Откуда взялись эти сопляки, которые смеют обсуждать меня?! И как я мог их не заметить, если вы прячетесь за столбом в двух метрах от меня?! В следующий раз, когда будете подслушивать, делайте это профессионально — найдите столб побольше!

Аньлэ застыл с куском лепешки в руке и, буравя взглядом трех мальчишек, спросил:

— Вы кто такие?

— Простите за беспокойство, господин. Мы приехали со старейшинами, в будущем мы будем служить вам и клану Мурон. — Обнаруженные мальчишки не растерялись. И вышел вперед и с деланной серьезностью поклонился.

Глядя на то, как трое детей отвешивают ему низкие поклоны, Аньлэ почувствовал, что картина сюрреалистичнее некуда. Он посмотрел на лепешку в своей руке и подумал, что до статуса покойника, которому приносят жертвы, ему не хватает только трех палочек благовоний.

— Э-э... ладно, вставайте. Не надо этих поклонов, у меня голова кружится! Я еще не умер! —

Аньлэ нахмурился.

— Господин, смотрите, наш Аван очень милый, правда? — Эр подбежал к нему и с широкой улыбкой протянул маленькую желтую собачонку.

Собака оказалась под стать хозяину: она смотрела на Аньлэ блестящими глазами, вызывая умиление.

Если бы не сопли... и этот запах... и свалявшаяся шерсть!

— Фу... братец, ты когда мыл его в последний раз? Убери это! — Аньлэ брезгливо зажал нос. Вдруг он присмотрелся к собаке и отпрыгнул назад: — А-а-а! Там кто-то шевелится! Это же вши!

Клац! Хрупкое сердце некоего существа разбилось вдребезги. Через секунду собака бросила на Аньлэ темный, недобрый взгляд.

У Аньлэ дернулся глаз: — Ой! У этой собаки такой жуткий взгляд... — Неужели она затаила обиду?

Эр склонил голову: — А зачем мыть Авана? Он никогда не говорил, что хочет мыться...

Аньлэ потерял дар речи. Юноша, тебе лучше разводить кактусы — их даже поливать не надо! А вы двое, почему не вразумите брата? Как вы сами выносите этот запах?!

— Господин? — В этот момент появилась Яэр.

Она подошла и нежно взяла Аньлэ за ручку: — Господин, зачем вы убежали так далеко? Я с ног сбилась, пора возвращаться.

— Так быстро? — Аньлэ поднял голову.

— Уже все, что нужно, доложили, — улыбнулась Яэр.

Она перевела мягкий взгляд на троицу: — Вы, должно быть, те трое, которых привел старейшина Бай? Он вас ищет, не заставляйте его ждать.

— Да! — Трое мальчишек поклонились Яэр с таким почтением, словно она была их собственной матерью.

Если бы Яэр знала, что они о ней думают, она бы упала в обморок прямо на месте.

— Гур-гур... — раздался неожиданный звук.

— Кто проголодался? — спросил Аньлэ.

Мальчишки дружно помотали головами.

— Неужели это собачка? — хихикнула Яэр.

Аван, похоже, был глубоко задет словами Аньлэ и теперь понуро опустил голову.

— На, держи, — Аньлэ без колебаний отдал собаке остатки своей лепешки. — Хоть я ее и надкусил, вкусная. — Он похлопал Эра по плечу: — Братец, пообещай мне, что накормишь его чем-нибудь получше и помоешь, ладно? — Этот запах был даже хуже, чем... неужели у этих детей совсем нет обоняния?

Бам! Аван, заметив жест Аньлэ, вздрогнул, словно получил еще одну рану.

Яэр, видя брезгливость Аньлэ, подумала, что слишком избаловала ребенка — надо будет провести воспитательную беседу.

— Спасибо, господин! — Эр был счастлив, что Аньлэ проявил заботу о его питомце.

Много лет спустя в Туманном лесу Яэр, указывая на Авана, ворчала:

— Ах ты неблагодарная тварь! Злопамятная скотина! Помнишь, как мой господин брезговал тобой, а почему не помнишь, как он отдал тебе пол-лепешки?!

— Няня, не злись, Аван еще маленький, он не понимает, — пытался спасти любимца Эр.

— Какая я тебе няня?! Зови меня сестрой!

Эр почувствовал, как сверху обрушилась тяжелая рука, и после этого удара окончательно потерял сознание.

И и Сань отвели глаза: вот что бывает, когда не следишь за языком...

В беседке развевались легкие занавеси.

Прекрасная женщина в фиолетовом сидела на кушетке, скрестив ноги, перед ней на столе лежал гуцинь из черного сандала. Ее изящные пальцы перебирали струны, и инструмент оживал, рождая мелодию, чистую и звонкую, как горный ручей, и нежную, как весенний ветер. Казалось, это музыка небесных фей.

Но не успела мелодия стихнуть, как появился незванный гость.

Девушка в длинном платье решительно шагала к женщине, ее движения были грубыми и порывистыми, лишенными всякой женственности.

Она встала перед женщиной, уперла руки в бока и нетерпеливо произнесла:

— Му Цинъянь, я ухожу.

— О? — Му Цинъянь замерла, опустив длинные ресницы. В ее глазах не было ни тени удивления. — Пожалуй, время пришло.

— Но я не могу выйти. Снаружи полно ловушек, — нахмурилась девушка.

— Юэ проводит тебя. — В сердце женщины шевельнулось сожаление: с появлением этой гостьи поместье ожило, а теперь снова погрузится в тишину. Сколько еще ей предстоит коротать время в этом одиночестве?

— Я... у меня нет денег, — смущенно отвела взгляд девушка.

— Юэ даст тебе немного.

— Я не люблю быть обязанной, — глаза девушки блеснули, как звезды. — Юэ говорила, вы кого-то ищете. Давайте так: я помогу вам найти этого человека, а вы поможете мне найти моих сестер. Так мы будем в расчете.

Му Цинъянь молча смотрела на нее.

Аньлэ сказала: Му Цинъянь, я помогу тебе найти человека, а ты помоги мне найти сестер.

Ха, помочь мне?

Му Цинъянь усмехнулась. Какая самонадеянность. Она искала этого человека столько лет и ничего не добилась. Неужели это так просто?

Но почему-то ей очень хотелось посмотреть, как Аньлэ провалится.

В тот день в Туманном лесу Аван, помня обиду десятилетней давности, ни в какую не хотел вести людей к Аньлэ. Ань Цзин была в ярости, но понимала, что это всего лишь собака, и сдержала гнев.

Аван был непреклонен, и только Эр, уговаривая пса и подкармливая его жареной курицей, сумел добиться своего.

Когда Аван, гордо задрав хвост, повел их к выходу, солнце уже клонилось к закату.

Они не стали терять времени, прыгнули в кареты и к ночи добрались до городка Цзиндэ. Это был ближайший к лесу город, путь к городу Сии лежал через него. Они решили остановиться здесь, чтобы не разминуться с Аньлэ, если тот выберется сам.

В гостинице они обсуждали план спасения, но безрезультатно. И, Эр и Сань возлагали надежды на сеть Теней, приказав искать юношу по имени Ань Лэтянь.

Яэр и Му Линь были в отчаянии. Они не могли распоряжаться людьми из «Цветов»,

«Жемчужин» или «Пьяного мастера». Му Линь хотела сообщить Сюанью в столицу, но боялась: тот обязательно бросит все дела и примчится сюда с армией, а кто тогда будет присматривать за бизнесом? Аньлэ не простит убытков. К тому же, в столице полно желающих прибрать к рукам их активы, нельзя допустить хаоса. Оставалось надеяться только на «Тени».

Ань Цзин была спокойна. Она отправилась на разведку, а вернувшись, несколько часов упражнялась с мечом на заднем дворе, после чего легла спать.

Прошло еще десять дней.

— Но! Но! Но! —

По оживленной улице городка Цзиндэ промчался отряд из десяти всадников во главе с девушкой в красном. Прохожие в ужасе прыгали в стороны, боясь попасть под копыта.

У дверей гостиницы всадники остановились.

— Вторая сестра! — раздался звонкий голос.

— Четвертая, ты приехала, — Ань Цзин, стоявшая у входа с мечом в руках, наконец выдохнула с облегчением.

Девушка в красном ловко соскочила с коня и махнула своим людям, чтобы те заходили внутрь.

Ань Хэ подошла к сестре и сердито спросила:

— Вторая сестра, что опять случилось с этим дураком Ань Лэтянем?

— Долгая история, — вздохнула Ань Цзин.

— Я получила твое письмо, отец тоже узнал и приказал мне привести пятнадцать стражей. Мы задержались в пути... — Ань Хэ нахмурилась. — В каком он состоянии?

— Никаких вестей. Пропал десять дней назад. Ситуация сложная. Зайдем в гостиницу, я все расскажу.

Ань Цзин сделала шаг, но увидела, что сестра не двигается.

— Вторая сестра... ты сказала, что с ним? — Лицо Ань Хэ изменилось.

— Он пропал, — повторила Ань Цзин.

Она не понимала, почему сестра так реагирует. Да, они с Ань Лэтянем не ладили, но не настолько, чтобы это известие вызвало такую странную реакцию.

Ань Хэ смотрела куда-то ей за спину. Ань Цзин обернулась.